

RU

Фонетические особенности гайнинского говора северо-западного диалекта башкирского языка (на материале Бардымского округа Пермского края)

Алимбаева Г. Г., Абдуллина Г. Р., Султанова З. А.

Аннотация. Цель исследования – описать актуальное лингвистическое состояние фонетических особенностей гайнинского говора северо-западного диалекта башкирского языка на материале Бардымского округа Пермского края. Научная новизна исследования состоит в том, что особенности гайнинского говора на примере Бардымского округа Пермского края в башкирском языкознании впервые рассматриваются в комплексном плане, а также с учетом воздействия на духовную культуру вышеназванного субъекта Российской Федерации социально-экономических и общественно-политических перемен. В результате анализа языкового материала, собранного из уст жителей свыше трех десятков населенных пунктов Бардымского округа Пермского края, было установлено, что язык гайнинцев очень самобытен и в значительной мере отличается от диалектов башкирского и татарского языков сохранением древних языковых черт, в особенности фонетических и морфологических. К фонетико-орфоэпическим особенностям говора можно отнести такие явления, как сужение широких гласных в позициях ударного закрытого, реже и открытого слога, переходы звуков, как гласных, так и согласных, редукция, протеза, эпентеза, лабиализация, нарушение небной гармонии (при присоединении к словам определенных аффиксов и в процессе элизии), выпадение звуков, позиционная долгота гласных.

EN

Phonetic features of the Gaina subdialect of the northwestern dialect of the Bashkir language (based on the material collected in the Bardymsky district of Perm Krai)

Alimbayeva G. G., Abdullina G. R., Sultanova Z. A.

Abstract. The study aims to describe the current linguistic state of the phonetic features characterizing the Gaina subdialect of the northwestern dialect of the Bashkir language involving the material collected in the Bardymsky district of Perm Krai. The study is novel in that it is the first in Bashkir linguistics to consider the features of the Gaina subdialect in a comprehensive manner using the example of the Bardymsky district of Perm Krai, as well as taking into account the impact of socio-economic and socio-political changes on the spiritual culture of the above-mentioned subject of the Russian Federation. As a result of analysing the oral linguistic material collected from residents of more than thirty settlements in the Bardymsky district of Perm Krai, it has been found that the language of the Gaina people is very distinctive and differs significantly from dialects of the Bashkir and Tatar languages in terms of preservation of ancient linguistic features, especially phonetic and morphological ones. The phonetic and orthoepic features of the subdialect include such phenomena as the narrowing of wide vowels in the positions of a stressed checked syllable, less often also in a free syllable, sounds alternations, both of vowels and consonants, reduction, prothesis, epenthesis, labialisation, palatal harmony loss (when certain affixes are attached to words and in the process of elision), dropping of sounds, positional length of vowels.

Введение

Актуальность темы исследования определяется необходимостью изучения актуального состояния гайнинского говора северо-западного диалекта башкирского языка на материале Бардымского округа Пермского края с учетом воздействия на духовную культуру вышеназванного субъекта Российской Федерации социально-экономических и общественно-политических перемен. Гайнинский говор, название которого восходит к наименованию одного из древних башкирских племен – рода гайна (ғәйнә), – это говор башкир, проживающих на территории Бардымского, Куединского, Чернушкинского, Уинского, Пермского и других округов Пермского края.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи: провести анализ собранного языкового материала с точки зрения фонетико-орфоэпических особенностей, определить степень воздействия социально-культурных и общественно-политических перемен в обществе на языковую культуру рассматриваемого региона.

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Прежде всего в подготовке работы использовался метод перцептивного анализа, основанный на восприятии речи и анализе воспринимаемых звуков. Был применен сравнительный анализ, так как языковые факты рассматривались в плане сравнения с башкирским литературным языком. Использовался метод контекстуального анализа при употреблении лексических единиц. Кроме этого, в работе был применен метод компонентного анализа, основанный на выделении минимального набора признаков у определенной совокупности языковых единиц и категорий языка, посредством которых они различаются между собой или некоторые, напротив, объединяются в различные группировки.

Материалы исследования: работа была написана на основе анализа полевых материалов авторов, собранных летом 2023 года из уст информаторов свыше тридцати населенных пунктов Бардымского округа Пермского края с компактным расселением гайнинских башкир. Источниками для проведения сравнительного анализа полевых материалов послужили следующие лексикографические издания:

- Словарь башкирских говоров: в 3-х т. Уфа: Китап, 1987. Т. 3. Западный диалект / ред. Н. Х. Максютюва.
- Диалектологический словарь башкирского языка / ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002.
- Словарник гайнинских башкир / ред. М. Музафаров. Чернушки: ИП Зимерев А. В., 2020.

Теоретической базой исследования послужили труды по диалектологии башкирского языка Н. Х. Ишбулатова (1980; 2000), Р. З. Шакурова (2012), Т. Г. Баишева (2006), Н. Х. Максютювой (1976), С. Ф. Миржановой (1979; 2006). Особое внимание было уделено научным трудам С. Ф. Миржановой и Р. З. Шакурова, посвященным непосредственно северо-западному диалекту башкирского языка.

Практическая значимость исследования состоит в том, что отдельные положения относительно фонетических особенностей гайнинского говора северо-западного диалекта башкирского языка могут послужить ценным материалом для углубленных разработок в области диалектологии, для развития фонетико-грамматической и лексико-семантической систем говоров, для изучения языка во взаимосвязи с историей народа, а также будут способствовать разработке вопросов диалектологии, лингвокультурологии, лингвистической географии.

Обсуждение и результаты

Неминуемые постоянные социально-экономические и общественно-политические перемены в обществе, непосредственно воздействующие на духовную культуру народа, в том числе и на языковую, обусловили необходимость изучения актуального состояния фонетической системы гайнинского говора северо-западного диалекта башкирского языка. Гайнинский говор – это говор башкир-гайнинцев, «самой северной группы башкирского народа, расселенной в центре Евразийского континента, на склонах Среднего Урала», «с утвердившимся самоназванием по этнониму одного из древнейших башкирских племен (или “тулвинских башкир” по месту расселения в Тулвинском поречье), наиболее плотно освоивших бассейн р. Тулвы и проживающих в 53 населенных пунктах Бардымского района» (Юсупов, 2010, с. 28). Следует отметить, что в научной литературе встречаются убеждения относительно того, что гайнинский говор – это говор среднеуральских татар (Сарманаева, 1948, с. 4), или того, что он «относится к бардымскому подговору среднего диалекта татарского языка» (Рамазанова, 1996, с. 11). Однако в противовес вышеназванным точкам зрения нельзя не учесть и обнаруживаемые в научных трудах утверждения о том, что язык гайнинских башкир подвергся «татаризации» вследствие «обучения в начальных и средних классах, издания средств массовой информации и периодики, а также радиовещания на татарском языке», «обеспечения башкир этого края Казанью» (Башкиры-гайнинцы..., 2012, с. 5, 13). В этом плане в какой-то мере противоречит самой себе и Д. М. Сарманаева (1948, с. 13), причисляя рассматриваемый нами говор к языку среднеуральских татар, но не исключая процесс «татаризации», которой был подвержен и башкирский язык.

Следует отметить, что диалектные особенности гайнинского говора нашли отражение в ряде монографических работ (Миржанова, 2006; Шакуров, 2012). Башкирская лексикография также располагает фактами по лексике данного говора: в третий том издания «Словарь башкирских говоров. Западный диалект» (1987), «Диалектологический словарь башкирского языка» (2002) были включены отдельные лексические единицы, выявленные на основе материалов диалектологической экспедиции Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР 1973 года в восьми населенных пунктах Пермской области (Хакимьянова, Юлдыбаева, 2018, с. 158). В связи со всем вышесказанным анализ языковых фактов, собранных из уст современных носителей говора – жителей практически всех населенных пунктов Бардымского округа Пермского края с компактным проживанием башкирского народа, целесообразнее было бы провести в сравнительном плане с материалами ранее выполненных трудов.

Сравнительный анализ зафиксированных в лингвистической литературе прошлого столетия и собранных современных языковых фактов позволил выявить следующее.

Являющееся, по наблюдениям С. Ф. Миржановой, одной из основных диалектных особенностей гайнинского говора в области фонетики, «сужение широких гласных в позициях ударного закрытого слога, т. е. употребление узких гласных *ы, е, и* вместо *а, э*» (2006, с. 209) в современном разговорном языке гайнинских

башкир активно отражается на примере дифтонгических сочетаний [ый, ей], используемых в речи вместо [ай/эй] в конце слов, в частности у местоимений-прилагательных, местоимений-наречий, а также и у личных форм глаголов настоящего времени: **алый** 'вон такой', **былый** 'вот такой', **шулый** 'такой': /Мин беренце мартәбә күрдәм **андый** йоланы/ (Киндяшева Зимфира Миннимулловна, д. Брюзли). / 'Я впервые увидела такой обряд'; /**Шундый** йолалар булды/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'Вот такие были обычаи'; /**Шулый** утыз сигез йыл стажым бар/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Таким образом, у меня есть тридцать восемь лет стажа'; /Анан тағы **ниндей** уйыннар уйнадык?/ (Аптукова Рамиля Габдулловна, д. Батырбай). / 'Еще в какие игры играли потом?'; /Мин бында анан соң кайтым, щөнки минең эней, атай инде постелдә, **щирлей**/ (Мустаева Рамиля Раифовна, д. Сараши). / 'После этого я вернулась сюда, потому что у меня и мать, и отец уже болели и не вставали с постели'; /Хәйбулла районын өң көн көттөк, **килмейләр** дә **килмейләр**, **килмейләр** дә **килмейләр**/ (Киндяшева Зимфира Миннимулловна, д. Брюзли). / 'Три дня ждали жителей Хайбуллинского района, а они не едут да и не едут, не едут и не едут'; /Урманда пеицән щабә торған урыннарны гел шулый **атыйбызый**/ (Аптукова Рамиля Габдулловна, д. Батырбай). / 'Мы всегда так называли местность в лесу, где сено косили'; /У щакларда баян бит әй бөтә ердә, бөтә ердә баян, үзем **уйныйым**, үзем **жырлыйым**/ (Киндяшева Зимфира Миннимулловна, д. Брюзли). / 'В те времена ведь везде баян был, сама играю, сама пою' (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – Г. А., Г. А., З. С.).

Сужение дифтонгических сочетаний [ау/әу], или замена их дифтонгами [бу/еу], [оу/өу], наблюдается намного реже: /Барданыкылар **кийеүләр**/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Зятя из Барды'; /Кайынауылға һәр көн **жейәү** йөрөп укыдык/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Каждый день мы ходили пешком учиться в Березники'; /**Мыныу** бейеклек булып үсә инде пикан/ (Аптукова Рамиля Габдулловна, д. Батырбай). / 'Вот такой высоты вырастает обычно пикан'.

Замена широкого [а] узким [ы] наблюдается, хотя и намного реже, в позициях также и открытого слога: /Шу укайтларға **туры** килә инде/ (Киндяшева Зимфира Миннимулловна, д. Брюзли). / 'Относится к тем временам'.

Интересен и следующий переход дифтонга [өй] в [өү] // [у]: /Кызлар **өүгә** килеп кермей тороп, аларның хәлен белмейбезейе, телефон булмагач/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Телефонов в то время не было, поэтому пока дочери не возвращались домой, мы не могли узнать, как у них дела'; /Әтейне дә, энейне дә карап, шушы **өүдә** соңғы юлға озаттым/ (Мустаева Рамиля Раифовна, д. Сараши). / 'Я ухаживала за матерью, за отцом и в этом доме проводила их в последний путь'; /Мин әйтәм, кая, **үрәт**, нищек итеп эшлейсең, **үрәтпә** бирде/ (Мустаева Рамиля Раифовна, д. Сараши). / 'Прошу его: «Ну-ка, учи, как делать». Он и научил'; /**Үрәндәк** инде үзезбегә кирәкне/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Мы выучились всему, что нам было необходимо'; /Безнең телебез үзенцәлекле – гәйнә башкортлары теле, үзезбегә **сүләшәбез**/ (Балтачева Рамиля Хузьяновна, д. Аклуши). / 'Своеобразен наш язык – язык гайнинских башкир, по-своему мы разговариваем'; /Бик **сөүнеп** йәшәйем балаларыма/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Не нарадуюсь я на своих детей'.

При анализе языкового материала нами был зафиксирована также замена конечного дифтонга [өй] в глагольном аффиксе на [ә]: /Шул кобаны **төзә** ул, шу хатын/ (Шарипова Найля Нурсаяповна, д. Брюзли). / 'Эта женщина строит тот дом'.

Фонетические особенности в системе гласных характеризуются переходом следующих звуков:

[у] → [о]: /Иң **соңғысы** шушы букет булды инде/ (Мустаева Рамиля Раифовна, д. Сараши). / 'Этот букет был самым последним'; /Хәзерге **тойларны** кызыл **той** тиләр бит/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'Современную свадьбу называют ведь также красной свадьбой'; /Быйыл алтмыш йәш **болды** ал/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'В этом году исполнилось шестьдесят лет'; /Житен йолкабыз, житен **отыйбызейе**/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Мы теребировали лен, собирали лен'; /Безнең **соғыштан соң** тормош ауыр булды/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Наша жизнь была тяжелой после войны'; /Сараш ауыл – **зор** ауыл/ (Айтакова Алсу Фаритовна, д. Сараши). / 'Деревня Сараши – большая деревня'.

[а] → [ә]: /Сезнекеләр безгә нищә мартәбә килделәр инде, **хәттә** фотографиялар дә бар/ (Киндяшева Зимфира Миннимулловна, д. Брюзли). / 'Ваши знакомые приезжали к нам уже сколько раз, даже фотографии есть'; /**Әйрән** юк бездә/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'Нет у нас айрана'; /Уланнарым **йәрдәм** итә, кызларым **жәрдәм** итә, кейеүләрем бик **әйвәт**/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Дети мне помогают, дочери помогают, зятя у меня очень хорошие'; /Уразаларза ауыз ащтырабыз, **бәйрәмне** алға күрәбез/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Мы проводим разговорение во время уразы, почитаем праздник'.

[ә] → [а]: /Икмәк **ащтытып** куйған [кәйнә], **әйдә** икмәк пешерәбез, ти/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Свекровь тесто поставила и говорит: «Давай, будем печь хлеб»'.

[ә] → [и]: /Мин **битикей** щакта хыялым укытыуычы булырғайе/ (Айтакова Алсу Фаритовна, д. Сараши). / 'В детстве я мечтала стать учителем'.

[у] → [а] (в частности, в указательных местоимениях): /Тапмадым инде мин **ансын**, аңлатмасын/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'Я не нашла толкования'; /Без **андайларны** күргәнбез юк/ (Киндяшева Зимфира Миннимулловна, д. Брюзли). / 'Мы не видели таких'.

[у] → [ы]: /Методист, худрок, директор **былып** озак жылдар эшләдем/ (Киндяшева Зимфира Миннимулловна, д. Брюзли). / 'Работала методистом, худруком, директором долгие годы'.

[ы] → [и]: /Кеше **ишанмый** безгә/ (Мустаева Рамиля Раифовна, д. Сараши). / 'Люди не верят нам'; /**Ишанғач**, мин дә йүгергән булам инде, кецкенә улан кебек/ (Мустаева Рамиля Раифовна, д. Сараши). / 'Я верю и бегу, как маленький ребенок'.

Встречаются в гайнинском говоре и редуцированные формы слов: /Жэйен уже эшкә йөрөдөк без/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Летом мы ходили на работу'; /У ике төрлө андый пещен, берсе аның без йөрөтәбез зэрәтә тип, рушца белмейем, но берсе пикан тип йөрөтәбез инде/ (Аптукова Рамиля Габдулловна, д. Батырбай). / 'Растение это бывает двух видов. Один вид мы называем «зэрәтә», хотя перевода на русский язык этого слова я не знаю. Второй вид мы называем пикан'.

Имеет место в рассматриваемом говоре также явление протезы и эпентезы: /Осандык бирәләрейә элек/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'На свадьбу мы дарили раньше сундук'; /Ыскладларда эшләдек жэйге вакытларда/ (Балтачева Ханифа Ханифовна, д. Бардабашка). / 'В летний период мы работали на складах'; /Шоморот сәскә атмады, сирень дә атмады – королок/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Не цвела ни черемуха, ни сирень, так как была засуха'; /Кырык беренице йылның ун бишенице январендә тыудым/ (Искандарова Хажира Ахметсафовна, д. Елпачиха). / 'Я родилась пятнадцатого января сорок первого года'.

Лабиализация, свойственная гайнинскому говору, выражается через легкое огубление узких кратких звуков [e], [ы], а также и широких [a], [ə], подвергшихся сужению: /Безнеке суғышкә киткәнне этей бөрөзә генә калған/ (Балтачева Ханифа Ханифовна, д. Бардабашка). / 'Наш отец остался сиротой еще до войны'; /Әлегә ғөмөрнө озайтып киләләр [балалар]/ (Искандарова Хажира Ахметсафовна, д. Елпачиха). / 'Дети продлевают нашу жизнь'; /Вот ул миңә гел әйтәйе: «Кызым, көнләшмә, иптәшләрең әйбер алса да, көнләшеп карама, сөйөн алар өцөн, алар өцөн сөйөнсәң, ходай тәғәлә сиңә соңонан тағын да күберәк бирер», – тип, вот аның өйрәткән сүзләре/ (Гусева Муршида Галимзяновна, д. Батырбай). / 'Вот она мне раньше всегда говорила: «Не завидуй, дочка, если друзья купят вещи, не завидуй, радуйся за них. Если будешь радоваться за них, тебе потом воздастся еще больше», – вот ее назидания'; /Мин сығып жәгөрдәм/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Я выбежала'; /Элек йәшәгән цакта сыйыр, мал карап, икешәр сыйыр булды, икешәр бозу. Бозу тип бездә Барданың теге якта әйтәләр/ (Мустаева Рамиля Раифовна, д. Сараши). / 'Раньше у нас была корова, держали скот, даже по две коровы, по два теленка. Мы называем теленка «Бозу». Форма «бозу» используется по другую сторону реки Барды'.

В некоторых случаях в результате присоединения к словам определенных аффиксов, а также вследствие фонетического явления элизии наблюдается нарушение небной гармонии: /Колмак булған цакта эшләрәк, дрожди юғейе/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Когда хмель был, мы делали на хмелю, дрожжей тогда не было'; /Элек бит бүлмәләр булмаған, кроватны царшау менән әйләндереп алаларейе/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'Раньше комнаты не разделялись и мы отгораживали кровать занавесом'; /Бер кая да китәлмәдем/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Не смогла никуда уйти'; /Мин кызлар кейгәнне кейәлмәдем, даже әнейнең кейеп үлгән күлмәген дә тегеп кейәргә туры килде әле үскән цакта/ (Гусева Муршида Галимзяновна, д. Батырбай). / 'Я не могла одеваться, как другие девочки. Мне даже пришлось носить перешитое платье, в котором умерла мама'.

В области согласных также наблюдаются своеобразные явления. Прежде всего следует отметить переходы звуков, наиболее частыми среди которых являются:

[с] → [ш]: /Өц көнгә киләләр козағылар/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'Сваты приезжают на три дня'; /Мин башланғыш класта укытыуы булып эшләдем/ (Шарипова Найля Нурсаяповна, д. Брюзлы). / 'Я работала учительницей в начальных классах'; /Элек безең бала цак күберәк каз карауллап, щецещ карауллап үтте инде/ (Аптукова Рамиля Габдулловна, д. Батырбай). / 'В детстве нам приходилось ухаживать за гусями, цыплятами'; /Балалар менә, алға таба ышаныш аларға инде/ (Искандарова Хажира Ахметсафовна, д. Елпачиха). / 'Вот наши дети, в будущем вся наша надежда на них'.

Бытуют в говоре и формы со звуком [с], особенно у глаголов деепричастной формы на -ғас/-гәс и в других случаях. Эта особенность говора отмечена и в лингвистической литературе (Миржанова, 2006, с. 225; Шакуров, 2012, с. 180): /Безнең герой Шәриф Казанбаев музейи ацылғас, без как бы первый экскурсоводлар булдык/ (Мустаева Рамиля Раифовна, д. Сараши). / 'Когда открылся музей героя Шарифа Казанбаева, мы были первыми экскурсоводами'; /Но шулай да сәләмәт щикле/ (Искандарова Хажира Ахметсафовна, д. Елпачиха). / 'Но все же состояние моего здоровья под сомнением'; /Жигетләр күләсә менән уйналарейе веласапетныкы/ (Балтачева Ханифа Ханифовна, д. Бардабашка). / 'Мальчики играли с колесом от велосипеда'.

[й] → [ж]: /Бер көн ололар жыйыла кунакка, семьялылар инде, икенце көннө йәшләр жыйыла/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'В гости мы приглашаем один день взрослых, семейных, а на второй день – молодых'; /Мында жирләр күберәге теге элекке кешеләрнең исемнәре белә аталып жөрөтә инде/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'Именами известных людей называют места'; /Аны белеүселәр хәзер жук инде/ (Шарипова Найля Нурсаяповна, д. Брюзлы). / 'Нет уже в живых людей, знающих об этом'; /Жырлар жырлап утырғанын хәтерләмейм, но кунаклашаларейе/ (Гусева Муршида Галимзяновна, д. Батырбай). / 'Я не помню, чтобы мы сидели и пели, но мы ходили в гости'; /Ул – Батырбай оц, цөнки Батырбайға бара торған жул шунда/ (Киндяшева Зимфира Миннимулловна, д. Брюзлы). / 'Это улица Батырбая, так как там проходит дорога, идущая в Батырбай'; /Кещкенәдән үк житен бәйләргә йөрөдөк/ (Аптукова Рамиля Габдулловна, д. Батырбай). / 'Мы ходили вязать венки с малых лет'; /Колхозға пещән жыймаға жөрөдөк тырнауыц белән/ (Балтачева Ханифа Ханифовна, д. Бардабашка). / 'Мы ходили собирать сено с граблями для колхоза'. Следует отметить, что многие слова в говоре употребляются параллельно с вариантом этого же слова на [й] (Миржанова, 2006, с. 223).

[б] → [п]: /Ите булса, пещерәбез пилмәнән дә, ашын да, боткасын да/ (Мустаева Рамиля Раифовна, д. Сараши). / 'Если есть мясо, мы готовим и пельмени, и суп, и кашу'; /Шәңгә пещерәләр бездә, пикан белән пещерәбез/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'Мы готовим шаньгу (ватрушку), мы готовим ее из пикана'; /

Пецәннен эзерләдек үзөбез, ә инде хәзер олоғайғац, берсе дә кәрәкмей/ (Мустаева Рамиля Раифовна, д. Сараши). / 'Мы сами заготавливали сено, а сейчас постарели, и нам ничего уже не надо'; /Ике апалар Казанда, **персе** апа Екатеринбургта, **персе** Төнүктә, эйеме, ансы, кызғаныц, китеп **парды** инде/ (Надыров Раис Зарипович, д. Верхний Ашап). / 'Две сестры живут в Казани, одна сестра – в Екатеринбурге, другая – в Тюньгуке, она, к сожалению, умерла уже'; /Район **пуйыница** беззә генә түгел ул, башка ауылда ла шулай кушамат **пелән** сөйләшәләр икән/ (Надыров Раис Зарипович, д. Верхний Ашап). / 'Не только у нас, но и в других деревнях по району, оказываются, люди используют прозвища'.

[h] → [c]: /Элек салалар ие өц **сум**, биц **сум** кейәү **муңцасына**/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'Мы раньше оставляли в подарок зятю в бане три рубля, пять рублей'; /Быйыл ғына юк инде безнең **сыйыр**/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'Лишь в этом году у нас коровы нет'; /Аннан илэк аша **сөзәбез**, марля өстөнә **салып**/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'После мы пропускаем через сито и марлю'.

Относительно использования звука [м] вместо [б] в начале слова следует отметить следующее: во вновь собранных материалах звук [м] заменяет [б] лишь в указательных местоимениях, образованных от «был», например **мындай**, **мына/менә**: /Тоже сандықларны китерәләр, сатып алалар инде **мында** килеп төшкәц/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'Также привозили сундуки и выкупали их по приезду'; /Ул **мында** ызба төзә, әнә **мында** түбәсе күренә/ (Шарипова Найля Нурсаяповна, д. Брюзли). / 'Она здесь дом строит, вон ее крыша видна'; /**Менә** безнең ауылның биззәге булып шушы тау тора инде, без аны Дүрткелтау тип әйтәбез/ (Аптукова Рамиля Габдулловна, д. Батырбай). / 'Украшением нашей деревни является эта гора, мы называем ее Дүрткелтау'. Подобных упомянутым в труде С. Ф. Миржановой (2006, с. 222) форм нами не было зафиксировано. Слово **мәшкә** 'гриб', включенное в Словарник гайнинских башкир (2020, с. 50), наблюдалось в речи информаторов в форме **бәшкә**: /Йылға буйында балык тотток, сеззеңцә бәшмәк, беззеңцә **бәшкә**, жиләк жыйдык/ (Кучукбаев Ратмир Мирзиевич, д. Новый Чад). / 'Мы рыбачили на берегу реки, мы собирали ягоды, грибы (по-вашему – «бәшмәк», по-нашему – «бәшкә»)'.

Упоминание С. Ф. Миржановой о том, что «в говоре интердентальный **з** выступает в интервокальном положении и в сочетании с сонорным в словах» (2006, с. 223), подтверждается некоторыми единичными примерами: /**Хәзерге** көнгә без биш бала **үстерзек**/ (Надыров Раис Зарипович, д. Верхний Ашап). / 'На данный момент мы вырастили пятерых детей'; /Әйткәнмиңцә, **кызларыбыз** үз семьялары белән тора/ (Надыров Раис Зарипович, д. Верхний Ашап). / 'Как я уже говорил, дочери наши живут со своей семьей'.

В единичных случаях наблюдается переход звука [ш] в [с]: /Шунан сәт белән **сыйыккыйбыз**/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Затем мы перемешиваем с молоком'.

Следует отметить, что как в области согласных, так и в области гласных наблюдается выпадение звуков (Миржанова, 2006, с. 227; Шакуров, 2012, с. 181): гласные звуки выпадают в начале слова, в нашем случае это звуки [о] и [ы]: /Күптән түгел генә бер биш йыл **цоронда** үземә үзем генә йорт эцләп цыктым/ (Киндяшева Зимфира Минимулловна, д. Брюзли). / 'Я одна построила дом за пять лет'; /Мактану түгел, **цынны** сүйлөйем/ (Ягафарова Тагзима Барыевна, д. Ишимово). / 'Я не хвалюсь, правду говорю'.

Согласные звуки выпадают как в начальной позиции, так и из середины слова: /Пенсия бирәләр, пенсиябез бик **әйвәт**/ (Искандарова Хажира Ахметсафовна, д. Елпачиха). / 'Я получаю пенсию, пенсия у нас очень хорошая'; /Кашык белән **йоморка** йүгертеү бар/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'Одна из традиций – это пробежаться с яйцом в ложке'; /Безнең ауылда Гражданнар сугышы вакытында инде кызылларны да, акларны да **китереп** жыйған кәберлек бар, **памятник бар бездә**/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'В нашей деревне есть могила красногвардейцев и белогвардейцев, погибших в годы Гражданской войны'; /Тик **утырмага** тырышмыйбыз/ (Мустаева Рамиля Раифовна, д. Сараши). / 'Мы стараемся не сидеть просто так'; /Аның яфрағы **ошаған** бына шуңа, токо борщевик зур була инде у/ (Аптукова Рамиля Габдулловна, д. Батырбай). / 'Это растение похоже листьями на борщевик, только борщевик намного больше'; /Сезнекенә дә **ошамаған** [тел], таттарларыкына да **ошамаған** – үзөбезцә/ (Балтачева Рамиля Хузьяновна, д. Аклуши). / 'Наш язык не похож ни на ваш язык, ни на татарский – мы говорим по-нашему, по-своему'; /Сиксән өцөнцә йылда өйләнгәц, Себергә цығып киттек, аның апасы, **мике** ике туған ағай/ (Кучукбаев Ратмир Мирзиевич, д. Новый Чад). / 'Мы поженились в восемьдесят третьем году, потом уехали на Север, ее сестра и мой двоюродный брат тоже уехали'.

Вариативным употреблением отличается послелог **белән**, претерпевая изменения как в области гласных, так и согласных. Характерно для этого слова и выпадение последнего звука, а также и сужение [ә] с переходом в [е]: /Иске Собханғолдан, Бөрйәндән, Илдар барейе, иптәш, аның **белән** сөйләшәбезей/ (Кучукбаев Ратмир Мирзиевич, д. Новый Чад). / 'У меня был друг из Старосубхангулово, Бурзяна, Ильдар, мы с ним общались'; /У вакытта без бөтөн ауыл **белә** эшләдек, йүгерештек кенә/ (Мустаева Рамиля Раифовна, д. Сараши). / 'В то время мы всей деревней работали, только так бегали'; /Шулай ғүмер буйына ана гел фольклор, фольклор, фольклор **беле** заниматься иттем/ (Киндяшева Зимфира Минимулловна, д. Брюзли). / 'Таким образом, я всю жизнь занималась только фольклором'.

Выпадение конечного звука наблюдается и у указательных местоимений **ул**, **шул**, **был**, послелога **табан**, а также частицы **икән**: /Утыз ике йәштә мин кызымны таптым, утыз ике йәштә, шу вакытта мине комсомолға алдылар/ (Киндяшева Зимфира Минимулловна, д. Брюзли). / 'В тридцать два года я дочку родила, и в тридцать два года меня приняли в комсомол'; /Без аны Дүрткелтау тип әйтәбез. **У** теге якка да төшә у, квадратный, дүрткел, дүрт – дүрткел, дүрт поцмак тигән сүззән алынғандыр у, дүрт-дүрткел тип әйтәп куйғандар инде аны. Бөтөн якка төшә у, **бы** якка ла төшә, **бы** якка ла төшә, теге якка ла төшә, квадратный

кебегерэк/ (Аптукова Амина Закировна, д. Чалково). / 'Мы эту гору называем Дүрткелтау. Она уходит в ту сторону. По форме она – квадратная. Возможно, название произошло от выражения «четыре угла»'; /Тегендә Оренбург яктары бар, кайда **икә**.../ (Киндяшева Зимфира Миннимулловна, д. Брюзлы). / 'На той стороне простираются оренбургские края, где, интересно...'; /Бына шул Сараштан килеп утырғаннар бирегә, бында **таба** йылға буйлап кешеләр, балык инде үрщетергәме, маллар карарғамы/ (Киндяшева Зимфира Миннимулловна, д. Брюзлы). / 'Из Сарашей вверх по реке переселились люди, чтобы там или рыб разводить, или разводить скот'.

Использование в исследуемом нами говоре слова **һә** вместо **хәзәр** 'сейчас' С. Ф. Миржанова (2006, с. 220) рассматривает в разделе, посвященном системе гласных, и связывает это явление с позиционной долготой гласных, возникающей вследствие выпадения звуков. Действительно, в речи выпадает целый слог, а оставшийся гласный [ә] произносится долго: /**Һә** бына онокларым [курай] сызғырталар, но башка уже тауышлары тейә башласа иса, бында кыуып шығарам инде аларны/ (Киндяшева Зимфира Миннимулловна, д. Брюзлы). / 'Сейчас вот внуки играют на курае, но если они начинают шуметь, я их выгоняю сюда'; /**Һә** тәрәзәнән карасаң, куян, торналар бында килеп шыға/ (Кучукбаев Ратмир Мирзиевич, д. Новый Чад). / 'Сейчас в окно можно увидеть, как сюда прибегают иногда зайцы, журавли'; /**Һә** үзе [апасы] үлгәц, бастырасы килә [шиғырларын]/ (Балтаева Аниса Камилловна, д. Чалково). / 'Сейчас, когда сестры уже нет, мне хочется опубликовать эти стихи'.

Таким образом, как показывают языковые факты, фонетические явления в области как гласных, так и согласных звуков гайнинского говора весьма своеобразны.

Заключение

Исследование позволяет сделать следующие выводы о фонетической системе гайнинского говора северо-западного диалекта башкирского языка. Язык башкир Бардымского округа Пермского края является самобытным, что отчетливо отражается и в фонетико-орфоэпическом аспекте. Так, следует выделить такие особенности, как сужение широких гласных в позициях ударного закрытого слога, переходы звуков ([y] → [o], [a] → [ə], [ə] → [a], [ə] → [i], [y] → [a], [y] → [ы], [ы] → [и], [c] → [ш], [й] → [ж'], [б] → [п], [h] → [c]). В говоре также отмечается проявление таких фонетических явлений, как редукция, протеза, эпентеза, лабиализация, нарушение небной гармонии (при присоединении к словам определенных аффиксов и в процессе элизии), выпадение звуков, позиционная долготы гласных. Сравнение полученных данных с выводами С. Ф. Миржановой, Р. З. Шакурова по северо-западному диалекту башкирского языка позволяет заключить, что степень воздействия на данный говор социально-культурных и общественно-политических перемен в обществе невелика.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном, системно-комплексном изучении фонетических особенностей гайнинского говора в сравнении с башкирским литературным языком с целью введения полученного диалектного материала в платформу ЛингвоДок.

Источники | References

1. Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. Изд-е 2-е, стер. Уфа: Гилем, 2006.
2. Башкиры-гайнинцы: история и современность / отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа: Китап, 2012.
3. Ишбулатов Н. Х. Башкирская диалектология. Уфа: Башкнигоиздат, 1980.
4. Ишбулатов Н. Х. Башкирский язык и его диалекты. Уфа: Китап, 2000.
5. Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка: в сравнительно-историческом освещении. М.: Наука, 1976.
6. Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа: Китап, 2006.
7. Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979.
8. Рамазанова Д. Б. К истории формирования говора пермских татар. Казань: ИЯЛИ, 1996.
9. Сарманаева Д. М. Диалектные особенности языка среднеуральских татар: дисс.. к. филол. н. Казань, 1948.
10. Хакимьянова А. М., Юлдыбаева Г. В. Фольклорные традиции пермских (гайнинских) башкир (по материалам экспедиций) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 4.
11. Шакуров Р. З. Башкирская диалектология: учеб. пособие. Уфа: Китап, 2012.
12. Юсупов Р. М. К вопросу об этно- и расогенезе башкир-гайнинцев Пермского края // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2010. Т. 15. № 1.

Финансирование | Funding

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 23-28-01247 «Язык и фольклор гайнинских башкир (экспедиция в Бардымский район Пермского края)».

The reported study was funded by the RSF, research project No. 23-28-01247 "Language and folklore of the Gaina Bashkirs (an expedition to the Bardymsky district of Perm Krai)".

Информация об авторах | Author information

RU

Алимбаева Гульшаян Габсаямовна¹, к. филол. н.
Абдуллина Гульфира Рифовна², д. филол. н., проф.
Султанова Зиля Азатовна³
^{1, 2, 3} Уфимский университет науки и технологий

EN

Alimbayeva Gulshayan Gabsalyamovna¹, PhD
Abdullina Gulfira Rifovna², Dr
Sultanova Zilya Azatovna³
^{1, 2, 3} Ufa University of Science and Technology

¹ alimbaewa5@mail.ru, ² abguri@yandex.ru, ³ zilya_sultanova_96@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.09.2023; опубликовано online (published online): 10.10.2023.

Ключевые слова (keywords): башкирская диалектология; северо-западные башкиры; говор; гайнинский говор; фонетика; Bashkir dialect studies; northwestern Bashkirs; subdialect; Gaina subdialect; phonetics.